ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

ОЛЕГ КАШИН

РЕАКЦИЯ ПУТИНА

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО

Олег Владимирович Кашин

Реакция Путина. Что такое хорошо и что такое плохо

Серия «Политические расследования»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18118358
Реакция Путина. Что такое хорошо и что такое плохо: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0517-7

Аннотация

Олег Кашин – один из самых ярких журналистов в России, автор ряда книг о политическом положении нашей страны. Он работал в «Комсомольской правде», в «Коммерсанте», в «Известиях», был обозревателем журнала «Эксперт». В октябре 2012 года Кашин был избран в Координационный совет российской оппозиции.

В своей новой книге Олег Кашин рассказывает о том, как путинская власть строит свои отношения с оппозиционным движением в России, – при этом он отталкивается от событий 1993 года, считая, что именно тогда была выработана модель отношения власти к оппозиции.

Кроме того, автор уделяет внимание актуальными проблемам политической жизни России: работе Государственной Думы РФ, поведению депутатов от «Единой России», деятельности МВД и ФСБ, а также громким политическим делам последнего времени – «делу Навального», «делу Гудкова», «делу Pussy Riot» и прочим.

Содержание

От автора 5
Прощание с «Единой Россией» 7
Учиться ненавидеть 7
Народ решает 8
…Не надо тебе туда 10
Моя речь на Болотной 12
Да, это политическая деятельность 14
В самое сердце 15
Прощание с «Единой Россией» 17
Закон Паука-Джигурды 19
Если не злить суд 19
Право на мемуары 20
Резвилась и жирела 22
88 процентов 24
Закон Паука-Джигурды 25
Разбитые витрины 27
Мне нравится СК, а не наоборот 29
Бескровный теракт 30
Возвращение шестидесятников 30
Поговори со мной о Скойбеде 32
Третья версия 34
Неуловимый Помазун 36
Кого еще порубит Ургант 38
Плохое настроение 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Олег Кашин
Реакция Путина. Что такое хорошо и что такое плохо

© Кашин О. В., 2013
© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

От автора

Мы стояли с Лимоновым на рю-де-Рив в Женеве, то есть стоял я один – у витрины магазина Apple – единственного на тот момент доступного мне источника хорошего беспроводного интернета, позволяющего поддерживать видеосвязь с Москвой. Лимонов сидел у себя дома на Ленинском проспекте, впервые в жизни общаясь по «скайпу» – со мной.

– Художественное произведение как жанр устарело, – говорил он мне. – Роман особенно устарел. Издатели виновны в навязывании вот этого извращенного продукта, такого кирпича там, в 300 страниц приблизительно, с выдуманными персонажами. Издатели всего мира виновны, потому что это продается лучше всего, вот эти сушеные ослиные мозги. А вообще это крайне примитивный жанр как таковой, ему можно научить, и пытаются научить в школах. Что такое сочинение школьное, как не первый набросок романа? И поэтому романы отвратительны, это первый класс для литератора. Только в первом классе можно написать три романа и покончить с этим. Самый, на мой взгляд, современный жанр, дающий большой простор и для мысли, и, что очень важно, мысль должна присутствовать, – это, конечно, эссе. Я говорю, что нужно писать эссе, наблюдения, смесь какую-то. Нужно писать воспоминания, довеском с моралью какой-то, с какими-то оргвыводами, извините, из воспоминаний.

Эта книга началась с этих слов Лимонова. Только он так умеет – нажал на кнопочку где-то у меня в голове, что-то переключилось, и я уже сам прекрасно понимаю, что вот эти тексты – они не журналистика совсем, и ничего обидного (а как я обижался, когда мне говорили о чем-нибудь моем «ну нет, старик, это не журналистика!») в этом нет, просто другой жанр, другая, так сказать, отрасль гуманитарной сферы. Журналисты почему-то боятся слова «проза», но вообще да, я старался писать именно прозу, и, иногда прямо совсем хулиганя и срываясь в прямое цитирование, писал целые куски «под Эренбурга» – видимо, главного русского писателя, работавшего в том жанре, которому теперь учит меня Лимонов. «Пал неприступный Кенигсберг».

Я действительно хотел бы, чтобы человек, который возьмет в руки эту книгу, отнесся бы к ней не как к сборнику опубликованных в СМИ материалов, а как к цельному художественному произведению, созданному начинающим писателем «на основе реальных событий».

Наверное, стоит пояснить, о каких именно событиях идет речь. Хронологические рамки я взял такие – с лета 2012 года, то есть с разгрома Болотной площади и последовавшего за ней разгрома нелояльных Путину журналистов, среди которых оказался и я, – до лета 2013-го, до вынесенного в Кирове приговора Алексею Навальному и последовавшего за приговором неожиданного его освобождения, которое сейчас (а я и пишу эти строчки сейчас, как раз этим летом, не зная, что будет дальше) выглядит как символ странной, с явным подвохом, но все равно надежды. Год реакции и год рефлексий; люди, которых пропаганда назвала «креативным классом», испуганно наблюдая за первыми арестами по политическим делам, за судебными процессами, за гайкозкручивающими инициативами парламента, – эти люди вдруг увидели, что их картина мира не вполне адекватна тому, что есть на самом деле. Даже в мелочах и даже в базовых ценностях, прямой связи которых с тем, что происходит вокруг, до сих пор не замечает почти никто.

2013 – юбилейный год. Двадцать лет исполняется первому настоящему разгрому оппозиции – московским событиям 1993 года. О том, что 1993 год стал политической родиной для Владимира Путина, о самом существовании которого тогда знал только узкий круг ценителей в Петербурге, – об этом я писал еще в 2010 году. Теперь, по мере приближения к юбилейным датам осени, я даже сам начал пугаться той частоты, с которой я теперь обращаюсь

к этой теме. Готов повторить – да, я уверен, что и «Болотное дело», и «гребаная цепь», и даже «Кировлес» – все началось именно тогда, когда Борис Николаевич Ельцин решил вдруг, как было принято говорить в советскую старину, сосредоточить в своих руках необъятную власть. Тюремщики и прокуроры, судьи и «кураторы из администрации» – все они вышли из шинелей ельцинских танкистов 1993 года, и я не перестаю надеяться, что когда-нибудь это станет ясно всем, с кем вместе я выходил на Болотную площадь спустя двадцать лет после кровавых московских событий.

На Болотной, кстати, я даже выступал – на первой, в декабре 2011-го, когда Алексей Навальный передал мне из тюрьмы свое выступление для этого митинга, и спустя полтора года, весной 2013-го, когда, написав заранее большую речь (она есть в этой книге), я послушал ораторов, почему-то считающих себя лидерами тех, кто выходит на площадь – и вместо речи я спел знаменитую песню Егора Летова «Все идет по плану», потому что только бронебойными словами Егора можно было пробить стену, которой самозваные вожди оппозиции отгородились от народа, мечтающего о новой стране.

Текста песни Летова, впрочем, в этой книге нет. Все остальное, что хотел я сказать «креативному классу», – есть. Еще раз скажу, что это не сборник статей, это книга; я писал ее на протяжении этого странного года, о котором когда-нибудь напишут в учебниках – «год путинской реакции».

Спасибо издательству «Алгоритм» за то, что согласилось эту книгу выпустить. Спасибо Эдуарду Лимонову за идею. Спасибо Алексею Громову и его сотрудникам за то, что, лишив меня репортерской профессии, они дали мне возможность написать эту книгу, не отвлекаясь на «заметки». Спасибо Максиму Ковальскому, Веронике Куцылло, Андрею Горянову, Сергею Шаргунову и Захару Прилепину за то, что они публиковали мои тексты, и 57 тысячам читателям в твиттере за то, что читают «свежего меня». Также спасибо моей жене, которая понимает, зачем я это пишу – могла бы ведь и не понимать, я бы страдал.

Читайте. Я старался.

Прощание с «Единой Россией»

Учиться ненавидеть

Сесть в машину времени и вернуться на полтора года назад. Прийти на Болотную площадь, пробраться к микрофону и рассказать им все: про «болотное дело» и арестованных по нему вплоть до Гаскарова, про «Анатомию протеста» и про Лебедева, про «Кировлес» и Навального, да даже про инаугурацию в пустой Москве и зачистки тех дней; ну и чтобы поверили, что не сумасшедший, а реально из будущего, показать им какой-нибудь артефакт, которого у них еще не было, а у нас уже есть. Ну не знаю, пятый айфон – смотрите, мол, я из будущего!

Поверили бы? Вряд ли. Кто еще не забыл ту атмосферу городского праздника, кто читал тогдашние колонки (тогда все писали колонки), кто ретвиттил и ставил лайки, тот помнит, какое тогда царило настроение. Потом, конечно, все изменится. Политические процессы, Следственный комитет как главный коммуницирующий орган между Кремлем и оппозицией, новые безумные законы, новое все – по соотношению «ждали/получили» это были самые невероятные полтора года в новейшей истории России. Так не бывает, и логично, что никто не смог предугадать, предсказать, предупредить.

А если так: сесть в машину времени, прилететь в декабрь 2011-го и, не вдаваясь в подробности, произнести сочиненную в 2013-м речь о том, что – да, во власти есть адекватные люди, с которыми надо вести диалог, и что если оппозиция хочет быть лучше власти, ей надо научиться прощать и понимать, а не срываться в травлю оппонентов и поиски провокаторов в своих рядах, и что пора слезть с баррикад – в этом случае и пятым айфоном трясти не стоило бы, Болотная-2011 с удовольствием бы выслушала такую речь. В атмосфере городского праздника примирительные слова звучали бы уместно и адекватно.

Слушать их сейчас, когда праздник давно закончился, а не успевшие уйти домой его участники либо сидят в тюрьме, либо прячутся за границей, – в такой обстановке примирительные слова звучат дико. Но все равно звучат, и, видимо, если с чем и стоит смириться, так это с тем, что очередные аресты и суды будут происходить под аккомпанемент все тех же речей – мол, не нужно ожесточаться, нужно понять и простить, и далее по тексту.

Стало общим местом говорить об отсутствии у нашего общества каких-то важных человеческих качеств – милосердия, «протестантской этики», эмпатии, ума и Бог знает чего еще. Этот год убедительно продемонстрировал дефицит еще одного важнейшего качества – умения ненавидеть. Это может прозвучать странно, считается же, что русские крайне нетерпимы и бескомпромиссны, но именно что считается. В этом году, от мая до мая, не было ни одного случая, который бы доказывал нетерпимость русских хотя бы в лице отдельных представителей оппозиции. Власть совершила слишком много поступков, от которых глаза должны были бы наливаться кровью, а руки – тянуться к топору, но каждый раз мы видим полтора десятка растерянных пикетчиков в Техническом переулке, а больше ничего не видим.

Этот призыв может прозвучать странно, но нехватку ненависти и ярости нужно преодолевать так же усердно, как и нехватку милосердия, – без одного не бывает другого. Нужно учиться ненавидеть, учиться быть злопамятными, учиться не прощать.

Хотя бы для того, чтобы не было неудобно перед теми, кто сидит сейчас по «Болотному делу». Вот выйдут они – прочитают, как мы понимали и прощали тех, кого на самом деле ни в коем случае нельзя ни понять, ни простить.

Народ решает

В то время как в Британии Шекспир уже записывал монолог Гамлета, в Соединенных Штатах писателей и поэтов, как известно, не было, и даже на месте нынешнего Голливуда паслись бизоны и мустанги. Прошли столетия, но мрачная тень так и висит над Америкой – не будет преувеличением сказать, что в этой стране живет два разных народа. Один – великий народ, давший миру Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Уолта Уитмена и Хамфри Богарта, другой – для него вершиной эстетического совершенства служит Чак Норрис, а книг этот народ не читал. Один народ населяет преимущественно большие города – Нью-Йорк, Сан-Франциско, отчасти Бостон, другой живет по своим Алабамам и Оклахомам, ни разу в жизни не покинув пределов Соединенных Штатов. Один народ слушает R'n'B и читает «Нью-Йорк таймс», другой слушает кантри и смотрит «Фокс ньюс». На одной территории образовалось две совершенно разных по духу и культуре нации, хотя и те и другие – американцы, и говорят на одном языке.

И я надеюсь, что ни один американец никогда не прочитает этот мой абзац, потому что я не хочу, чтобы мои американские друзья относились ко мне, как к идиоту, или, если более вежливо, я не хочу, чтобы мои американские друзья воспринимали меня так же, как я воспринимаю русского писателя Михаила Шишкина, чей уровень представлений о России не сильно отличается от моего уровня представлений об Америке, а он, чтобы было понятно, у меня таков, что даже бизонов я вспомнил сам, а за мустангами мне пришлось обращаться к аудитории моего твиттера.

Ленинский тезис о двух культурах внутри одной нации по какому-то недоразумению не оказался погребен под обломками остального «научного коммунизма». О том, что в России живет не один народ, как везде, а два разных народа, мы читали, пожалуй, даже больше, чем стоило. От Шафаревича до Павла Пряникова – каждый русский интеллектуал хотя бы раз высказывался, в зависимости от точки наблюдения, либо о «малом народе» (теперь его чаще называют «креативным классом»), либо о «звероподобном сброде», с которым этому интеллектуалу приходится сосуществовать в одной стране. Не берусь судить, почему так случилось. Мы, русские – нация молодая, мы не лишены еще каких-то смешных детских качеств – нам еще кажется, что можно выгнать из класса неприятных нам ребят, и класс станет лучшим в школе. «Сегодня самый лучший день, сегодня битва с дураками», – поется в нашей школьной песенке, и, затягивая ее, мы, конечно, относим себя к тем, кто даст сейчас дуракам последний бой. Это не навсегда, мы еще вырастем и поймем, как были неправы. Но пока мы не выросли, и на нас еще действует глупая ерунда про два русских народа.

Пора, однако, взрослеть. Пора принять простую, в общем, вещь – нет народов, которые состояли бы из одинаковых людей. Даже если мы убьем всех, кому нравится Стас Михайлов, обязательно найдется кто-нибудь, кто любит Елену Ваенгу. Кто-то всегда будет мечтать о добром царе, кто-то всегда предпочтет тихую участь «бюджетника» славной судьбе успешного стартапера. Гей-браки никогда не будут приняты всем обществом, а в церковь всегда кто-нибудь придет молиться, даже если за это будут сажать в тюрьму. Но и это еще не все. И я, и вы, и Стас Михайлов в равной мере имеем право и на Россию, и на гордость за ее поэтов и художников, и на стыд за ее палачей и доносчиков, и вообще на все – «на тропинку, на лесок, в поле каждый колосок». Это вообще-то и называется – народ.

Ни у кого нет права отказывать народу в праве на решение – любое, даже самое несимпатичное. Ни у кого нет права ставить себя выше народа, решать за него – что ему, народу, больше подходит и что принесет больше пользы. Если вдруг мы сегодня договоримся, что за народ что-нибудь будет решать писатель Шишкин, завтра из-за спины писателя Шишкина

обязательно выпорхнет полковник Сечин. В самом деле, если Сечин разделяет теорию о двух народах, почему бы ему не подчинить народ себе?

Как-то в эстонском консульстве я листал брошюрку о прелестях этой северной страны. Среди прочего в брошюрке были портреты людей, принесших Эстонии наибольшую славу – среди прочих я увидел там поэта Северянина, мореплавателя Крузенштерна, филолога Лотмана. Вам смешно? Мне нет, потому что я понимаю, что, будь у эстонцев Лев Толстой, они бы одним Толстым доказали бы миру, что именно они, эстонцы – величайшая нация планеты.

В Праге я видел памятник местному писателю – еврею, писавшему по-немецки, в общем, не имевшему никакого отношения к чешскому народу. Если бы у чехов был Андрей Платонов, чехи бы заставили мир относиться к ним так же, как мы сегодня относимся к англичанам с их Шекспиром, битлами и Джоан Роулинг.

В Лейпциге на центральной площади я видел красивый памятник немецкой революции 1989 года. Кто знает историю, тот помнит ту революцию – были межгосударственные переговоры бывших союзников и двух Германий по схеме «4+2», был торг о компенсациях за вывод советских войск, была отставка Хонеккера под давлением Москвы, и вот когда это все произошло, когда стало можно, немцы дисциплинированно вышли на улицы. Наш народ, русский народ, в те же годы пережил свою великую революцию, избавившись от самой бесчеловечной диктатуры всех времен. Кто считает, что это была персональная революция, допустим, Горбачева, пусть расскажет об этом хотя бы шахтерам Кузбасса, или избирателям Сахарова, или слушателям «Аквариума» и «Гражданской обороны» – будь такая революция у немцев, немцы бы гордились ею, как американцы гордятся избавлением от рабства.

Но мы не немцы, не эстонцы и не чехи. Мы выглядим как белый европейский христианский народ, ведем себя как белый европейский христианский народ, обладаем всеми признаками белого европейского христианского народа, но почему-то боимся сказать себе вслух, что мы – белый европейский христианский народ. Румыны не боятся. Болгары не боятся. Албанцы, даром что мусульмане – не боятся. А мы боимся. Нам больше нравится рассуждать о двух народах вместо нашего одного. Рассуждать о хорошем и плохом народе, относить себя к хорошему и валить все на плохой.

Хватит. Пора взрослеть.

Ну и Шишкину передайте, что его демагогия на нас уже не действует.

…Не надо тебе туда

Эдуард, я прочитал сегодня вашу статью о том, как будет выглядеть Россия после прихода к власти «буржуазных лидеров». Особенно мне понравился вот этот момент:

«Это, конечно, не значит, что волнений, связанных с социальными реформами, не будет, – будут, ведь будут же реформы, правда? Значит, никуда не денется и нынешняя милиция с ОМОНом, только – вот парадокс! – зверства ОМОНа почему-то не будут, как сейчас, вызывать протеста у либеральной интеллигенции, зато слово «быдло» по отношению к выходящим на демонстрации гражданам вернется в лексикон просвещенной публики и прочно в нем закрепится. Студенты, может быть, смогут спокойно учиться в своих институтах – с отсрочками от армии все будет нормально. В армии, строго говоря, все останется по-прежнему – и служить будут те же простые парни из рабочих районов, где нету работы, и тысячи мрачноватых воинских частей, разбросанные по стране, ни во что приличное не превратятся, и нового оружия, и техники не будет. Разве что войска, наверное, уйдут из Чечни, и воевать в Чечне не придется. И в Ингушетии тоже, и в Дагестане, и в Ставрополье, и на остальных территориях, отвоеванных у революционной России свободолюбивой Ичкерией».

Я не знаю, на какой строчке вы поняли, что я вас сейчас пытаюсь разыграть, и поняли ли вообще – в принципе, это ведь не очень отличается от вашего «заключат долгожданный мирный договор с Японией (России он на самом деле не нужен, как корове седло), отдав Японии Курильские острова. Далее (уж будьте уверены), улыбаясь и кланяясь, самураи станут настойчиво требовать себе Южный Сахалин. И через пару лет получат и этот кусок. Где-то через год-два после их прихода к власти «болотные» вожди сделают Калининградскую область свободной территорией. Чтобы ещё через год вывести её из состава Российской Федерации», – вы ведь не станете возражать, что (с поправкой на разницу литературных талантов их авторов, конечно) две цитаты, которые я здесь привел, безумно похожи.

И автор цитаты про Сахалин – вы, да. Свежий вы, май 2013 года. А автор цитаты про ОМОН и Ставрополье – я, и это март 2005 года. И, поздравляя вас с тем, что вы сейчас, семидесятилетний, приходите к тем же выводам, что и я, двадцатипятилетний, восемь лет назад, – поздравляя вас с этим, я хочу поделиться с вами коротким воспоминанием о том, куда меня те выводы привели дальше.

Когда я задумался, что случится после революции в России (а тогда было модно ждать у нас «оранжевую революцию» по типу украинской), я считался журналистом, близким к только зарождавшимся тогда либеральным молодежным движениям – их тогда было много, до вашей НБП им всем было, конечно, далеко, и, может быть, поэтому вы тогда, насколько я помню, не бросались «лимонками» в тех, кого вы в любом случае заведомо круче, сильнее, умнее.

Сейчас бросаетесь. Что изменилось?

Но я отвлекся. Так вот, дружил я тогда с теми младобуржуазными пародиями на вашу партию, и по мере того, как я на них смотрел, все внимательнее и ближе, я все больше понимал, насколько они – ну, давайте мягко, – несовершенны. Мягко, да – я и критиковал их сначала мягко, потом чуть жестче, потом еще жестче, и, в конце концов, с одной трибуны даже обозвал «куском г*вна» кого-то из тех молодежных лидеров (перечитайте свои нынешние лимонки – кажется, вы и про него, повзрослевшего, писали). Я ругал их, им это не нравилось, зато нравилось людям, о которых я знал, конечно, что они откуда-то из околокремлевских мест, но на первый взгляд они были даже посимпатичнее тех яшиных и доброхотовых, которых я тогда ругал.

Все происходило настолько естественно, что, обнаружив себя среди идеологических холуев путинского Кремля, обнаружив себя если не буквально одним из них, то в любом случае их коллегой и другом, я даже не испугался – ну а что, они тоже, конечно, несовершенны, но, кажется, терпимо, особенно, по сравнению с теми, будущими буржуазными.

И я не знаю, что бы со мной было дальше, в какого бы политолога Маркова я превратился бы, если бы меня из этого общества просто за шиворот не вытащил мой друг Ольшанский (кажется, вы с ним знакомы, спросите у него) и не забрал бы в свой журнал, в котором можно было писать обо всем, кроме актуальной политики. Это был свежий воздух, на котором я быстро пришел в себя, и которым стараюсь дышать до сих пор, хотя это сейчас с каждым днем все труднее. Так вот, Эдуард, я вам желаю, чтобы и у вас нашелся свой Ольшанский, который так же, за шиворот бы вытащил вас из этой помойки на свежий воздух и сказал бы: «Дед, ты великий писатель, и даже если ты ненавидишь этих «буржуазных лидеров», зачем тебе присоединяться к чекистам из Следственного комитета и нашистким шавкам, которые борются с теми же «буржуазными лидерами», но на профессиональной основе, и дружески над тобой посмеиваются: «вот, добровольный помощник образовался, ему и платить не надо.

Таких добровольных помощников у них было – город можно из них собрать. И почему-то всех их в итоге судьба приводила вот туда же, в то караульное помещение, в котором пахнет калом и в котором сидит товарищ Маркин.

Орать я умею не очень, но вам хочется именно проорать в ухо: Лимонов, не ходите туда. Там Маркин. Там кал. Там плохо. Вам. Туда. Не надо.

И я нарочно сейчас пытаюсь разговаривать с человеком, годящимся мне в деды, в такой развязной форме. Я просто не знаю, какими еще словами вам это объяснить, чтобы вы хотя бы услышали.

И чего действительно боюсь – что нет таких слов, которые вы сейчас могли бы услышать. Что никак вам этого не объяснишь, потому что у вас всегда найдутся соратники, которые в любое время дня и ночи скажут вам, что вы на свете всех милее, всех румяней, белее, умнее, круче, и что вы всегда правы. Ну, вот помните, у Ельцина всегда был рядом охранник Коржаков, который ему так говорил, а потом еще появился пресс-секретарь Ястржембский. Благодаря таким соратникам Ельцин так и умер, будучи уверенным, что он великий человек, освободитель России и все такое. И я сейчас бы даже сказал вам – не будьте как Ельцин, Эдуард! – но ведь и это на вас не подействует, потому что вы же поддерживали Ельцина и в чеченскую войну, и на «тех самых» президентских выборах, то есть быть как Ельцин для вас – это, как я вижу, мечта. Поэтому я говорю вам: превращайтесь в Ельцина на здоровье и когда его преемник пустит вас к себе в приемную по какому-нибудь поводу – не забудьте сказать ему: «Берегите Россию».

Он не поймет, но вы все равно не забудьте, скажите.

Моя речь на Болотной

Есть стойкое ощущение, что эта Болотная – последняя. Ресурс «мы были и придем еще» исчерпан даже не вчера, и я не думаю, что я такой один – кто хочет персонально для себя подвести черту под довольно важным, но все же не более чем периодом в жизни.

Моя черта может быть, самая простая. Полтора года назад я выступал на Болотной – популярный журналист влиятельной газеты, статусный человек по какой угодно мерке. Я говорил с той трибуны тем коллегам, кто пришел митинговать, а не писать репортажи, что если вас, друзья, сегодня будет задерживать полиция, то не надо говорить ей, что вы здесь как журналисты, не надо трясти пресс-картами, не надо обманывать. Свое журналистское удостоверение я тогда честно оставил дома и очень этим гордился.

Сегодня журналистского удостоверения у меня нет вообще, я безработный маргинал, уже как бы и не журналист, но и не политик, конечно, а просто черт знает кто, и вряд ли мне будут рады на той трибуне, но если бы я вдруг на нее поднялся, то мне, я полагаю, было бы что сказать. У меня есть готовая речь для Болотной площади.

Я начал бы свою речь словами «Христос Воскресе!» – вряд ли другое приветствие было бы уместно в Светлую седмицу. Кроме того, я поздравил бы собравшихся с наступающим Днем Победы; шестое мая – это всего лишь три дня до девятого, уже можно поздравлять. Самая отвратительная черта «болотного движения» – это то, что, кажется, никто до сих пор вообще не думал, как встраиваются его ценности в общепринятый российский контекст. Посмотрите на фотографии с любого митинга – повсюду торчат партийные знамена, особенно оранжевые флаги «Солидарности» с понятным и приятным только ее активистам логотипом движения. На всех предыдущих митингах было (и на этом, конечно, тоже будет) мало российских флагов, а их должны были быть сотни, потому что – и об этом я тоже сказал бы в своей речи – «болотное движение», конечно, стало самым долгим и самым массовым, по нынешним русским меркам, патриотическим народным движением, и безумно жаль, что до сих пор никто не сказал простую вещь – что вот с декабря 2011 года люди регулярно выходят на улицы не «за честные выборы», не против забытого ныне Чурова (как говорят подростки – «Май эсс») и даже не против Путина, а за родину. За родину, за Россию, которую эти люди хотят видеть свободной и процветающей, и которые в своем патриотизме исходят из того, что свободной и процветающей она никогда не станет без серьезных политических перемен. Наш патриотизм, сказал бы я, всегда будет сильнее казенного, потому что, видит Бог – нам за него никто не платит, и мы тратим на него кто свободу, кто карьеру, кто спокойствие, потому что не можем иначе, потому что мы русские люди.

Может быть, при слове «русские» в передних рядах бы заворчали, и мне пришлось бы повышать голос, говорить громче, что – да, мы великий европейский народ, заслуживающий европейских государственных порядков в той же мере, в какой их заслужила любая другая страна к западу от бывшей советской границы. Мы не хуже поляков, албанцев или румын – тут в толпе, наверное, захихикают, но кто ж виноват, что такие вещи в 2013 году в России надо проговаривать вслух.

Потом надо будет сказать о лидерах. О том, что власть тратит серьезные силы и ресурсы на то, чтобы дискредитировать и выдернуть из политики оппозиционных лидеров, но наши лидеры не Удальцов, не Собчак и даже не Навальный, а – тут я бы произнес несколько имен тех наших соотечественников, которые ассоциируются со словом «свобода» – от Пушкина до Егора Летова, и сказал бы, что это они – наши лидеры. Здесь, чего уж там, есть элемент этакого постмодернистского плагиата, в нашей как раз военной истории уже была речь с перечислением «великих предков», которая, если верить современникам, возымела серьезный эффект сразу по произнесении, и даже обеспечила ее автора хоть и безосновательной,

но устойчивой репутацией большого патриота – да, я считаю, что удачные трюки политиков прошлого заслуживают того, чтобы использовать их в современности, поэтому да, нужно перечислить имена. Кто здесь власть? Пушкин здесь власть.

Потом нужно будет сказать о нашем народе, бессовестно отнесенном пропагандой в лоялисты по умолчанию. Я был на «Уралвагонзаводе», я знаю, какими словами тот «образцовый» народ говорит о власти – за такие слова с трибуны Болотной утащили бы на 15 суток как минимум. Я сказал бы, что я верю в разум и волю нашего народа, и что именно он, а не кто-то другой должен решать, какой быть России, и что даже из благих побуждений игнорировать это – большое свинство. «Народ решает!» – это вообще отличный лозунг, мне он нравится, и я хочу, чтобы Болотная площадь его скандировала.

Еще я бы обратился к тем, кто в той или иной форме сотрудничает с властью в ее нынешнем изводе. Кто-то искренне верит, у кого-то семья, кто-то просто не задумывается ни о чем и тихо мотыжит свой участок, и его даже не смущает, что этот участок – метр на два. Всем этим людям я просто посоветовал бы представить – вот прошло десять лет, вообще все изменилось, и после тяжелого трудового дня ты разговорился с незнакомым человеком в баре за кружечкой пива. Болтаете, слово за слово, вспомнили 2013-й. «Ты где работал? Я вот на Первом канале, золотое было время». «А я в тюрьме сидел, «болотное дело», помнишь?» Вот просто представьте.

А больше бы я ничего не сказал, и даже конца митинга не стал бы дожидаться, просто спустился бы со сцены и ушел, потому что есть еще какие-то слова, которые надо сказать уже не людям на площади, а самому себе. И вот этих слов я пока, к сожалению, не придумал.

Да, это политическая деятельность

«Родина, ты спятила», – пишет в блоге директор благотворительного фонда «Кислород» Майя Сонина, да и что тут еще напишешь, родина же действительно спятила, ну или, хорошо, не сама родина, а, по крайней мере, ее Истринская городская прокуратура, которая вынесла организации «Помощь больным муковисцидозом» «предупреждение о недопустимости нарушения закона».

Текст предупреждения Сонина публикует у себя в блоге, почитайте: прокуратура пишет, что защита больных муковисцидозом – это политическая деятельность, поэтому поддерживаемая иностранными фондами подмосковная организация должна зарегистрироваться как иностранный агент.

И даже если мы понимаем, что это какой-то районный прокурорский клерк переусердствовал, и на него уже наорали, и на самом деле никаких проблем у муковисцидозной организации больше не будет, все равно слово не воробей, и на это слово еще долго все будут реагировать.

И можно, как благотворительница Сонина, говорить, что родина спятила, или, чуть сдержаннее, рассуждать, что репрессивная риторика, звучащая сверху, на районном уровне всегда оборачивается атаками на «Помощь больным муковисцидозом», потому что каждой районной прокуратуре хочется иметь на подведомственной территории иностранного агента, которому можно было бы слать предупреждения. Можно просто иронизировать насчет того, какую еще деятельность надо признать политической: приюты для животных, спортивные клубы, укулелешные? Такой, как в Истринской прокуратуре, жирный случай унтерпришибеевщины, административного восторга и как это еще называется – такой жирный случай стоит считать настоящим подарком всем нашим колумнистам, и мы, конечно, много всего на эту тему в ближайшее время прочитаем и услышим. Но ни ирония, ни глубокомысленная аналитика, ни патетика не будут, мне кажется, исчерпывающе правильной реакцией на случай в Истре.

Потому что на самом деле истринские прокуроры, конечно, правы и, скорее всего, сами не понимают, насколько правы. Потому что защита больных муковисцидозом – это именно политика. Потому что иногда так бывает – наступает такой момент, когда политикой становится любая форма жизни, неподконтрольная власти.

Это обстоятельство можно игнорировать, не замечать его, делать вид, что можно оставаться вне – даже не «над схваткой», а просто вне. «Я объективен, я не политик, во власти тоже есть достойные адекватные люди, понять и простить» – ну, слышали мы все это миллион раз. До какого-то момента это допустимо, а потом вдруг становится лицемерием, что-то меняется, и вот у нас, кажется, уже изменилось. Попробуйте проговорить это вслух: «Я не политик, во власти есть адекватные люди» – вот сейчас, где-нибудь в промежутке между судами по «болотному делу» и по Навальному. Ничего не смущает?

Я не знаю, когда это произошло; может, после прошлогодней Болотной, может, чуть раньше, может, чуть позже, когда начались уголовные дела и суды, или когда Госдума превратилась в принтер. А может быть, только сейчас, когда Истринская городская прокуратура вынесла предупреждение организации «Помощь больным муковисцидозом».

Не считай дней, не считай верст и не думай, что ты далек от политики. Никто не далек.

В самое сердце

На панели закладок в моем браузере самая потертая, самая часто используемая закладка – это газета «Известия». Стоит признать, что сегодня это единственная русская газета, которую по-настоящему интересно читать.

Прежде чем признаваться дальше, я выступлю с таким, как это называется в социальных сетях, дисклеймером и скажу вот что. О всяком более-менее заметном человеке ходят всякие слухи, и обо мне тоже ходят. Самым неприятным слухом о себе я назвал бы сейчас слух, согласно которому я то ли просился, то ли собираюсь попроситься на работу как раз в газету «Известия» – и это очень обидный для меня слух. С начальником «Известий» Арамом Габреляновым меня связывают давние и сложные, но все же вполне дружеские отношения. Впервые он позвал меня на работу восемь лет назад, потом еще несколько раз звал, и в принципе у меня есть основания полагать, что если я вдруг попрошусь к нему теперь, то он разрулит все необходимые в моем случае трудности со своими «громовыми» и «володиными», и уже следующую свою колонку в «Свободной прессе» я подпишу каким-нибудь сложносочиненным известинским титулом. Это обстоятельство меня в известном смысле даже греет, но в том числе и в связи с ним, с этим обстоятельством, я никогда не попрошусь к Габрелянову на работу. Мне кажется, это важный дисклеймер, на который стоило отвлечься, а теперь я продолжу про свои закладки.

Действительно, «Известия» сегодня – единственная русская газета, которую интересно читать, стоит читать и нужно читать. Если совсем грубо, то их стоит читать так же, как тридцать и больше лет назад стоило читать «Правду» – чтобы быть в курсе, что именно партия хочет считать правдой сегодня. Но это именно если грубо. Партийных СМИ, пропагандистских СМИ в России сегодня много, но «Известия» не стоят через запятую ни с «Российской газетой», ни с «Комсомольской правдой».

Года полтора назад, когда в социальных сетях возникла вдруг мода на Габрелянова, когда уставшие от Джигурды интернет-обыватели вдруг обнаружили, что есть на свете веселый армянин, который здорово ругается матом, – так вот, в те далекие уже времена некая начальница государственного информагентства, женщина с репутацией сугубо приличного человека, написала у себя в социальной сети, что ей смешно наблюдать за восторгами разных людей по поводу очередного матерного монолога Габрелянова, потому что она-то знает – в жизни он совсем не так крут, каким кажется в интернете. Она много раз наблюдала его на совещаниях в Кремле, когда кремлевские главпиарщики собирают всех главных редакторов и рассказывают им, как надо понимать текущий момент. И Габрелянов, по словам той начальницы (а я не вижу оснований ей не верить) на тех совещаниях не ругался матом и не говорил, что кто-то ранит его в самое сердце – напротив, был тише всех, молча сидел в уголочке, приходил всегда в пиджаке с галстуком (а приличные-то главные редакторы в Кремль ходят «по гражданке»), пропускал всех в дверях вперед себя, целовал женщинам руки – в общем, вот он какой на самом деле. С точки зрения чиновницы, переодетой в журналистку, такой Габрелянов действительно выглядит лоховато, но мне как раз это описание очень понравилось. Я бы разочаровался в Араме Ашотовиче, если бы он ходил слушать кремлевские инструкции в майке с надписью «Фак офф» – типа смотрите, какой я нонконформист, круче Макаревича! – и поглощал бы кремлевское блюдо, не молча в своем уголке, а по-фрондерски, мол, чмок-чмок-чмок, передайте Владимиру Владимировичу, что он не великий, а выдающийся, вот так! Описанная агентской начальницей модель поведения Габрелянова в Кремле кажется мне гораздо более симпатичной, чем поведение любого другого редактора, о которых я в контексте этих совещаний слышал.

И, собственно, модель поведения «Известий» в информационном поле – она ведь такая же. Я не могу представить себе корреспондента «Известий» в роли той несчастной телевизионной девушки в оперном антракте, которая, стараясь не заплакать, выдавливала из себя согласованные, пронумерованные и прошнурованные вопросы о «цивилизованном разводе». Нет уж (кстати, еще один дисклеймер – я совершенно ничего не знаю о том, как это выглядит изнутри и ориентируюсь только на свои читательские впечатления), это пускай телевидение и другие придворные газеты получают прямые инструкции, поведение «Известий» имеет совсем другую природу. Не знаю, кто это придумал – подозреваю, что все-таки не Кремль, – но отношения «Известий» с их хозяевами выглядят как такая интересная игра: и власть, и газета делают в этой игре вид, будто они не в позднепутинской России, а в голливудской, времен классических нуаров (и, стало быть, маккартизма, смайл) Америке. То ли для забавы, то ли в порядке эксперимента газету запустили внутрь периметра и выдали пропуск-вездеход – вот тебе в виде исключения свобода, работай, ищи свои сенсации. И «Известия» ищут, и находят. Ежесуточно в полночь, когда у них обновляется сайт, на сайте обнаруживается очередная сенсация – или про скорую отставку и назначение, или про новое уголовное дело, или еще про что-нибудь такое. У всех этих сенсаций общее одно: в них заинтересованы только «Известия», нет такого, чтобы Кремлю или, что сейчас имеет примерно тот же вес, Следственному комитету было важно довести до сведения читателей вот эту информацию. То, что власть хочет слить, она сливает иначе – гораздо чаще через менее одиозные СМИ, чем габреляновская газета. «Известия» стоит как раз любить именно за чистоту этой игры. Кроме них в нее не играет никто.

Немного другая, чем с новостями, игра – с колонками, но она тоже безумно интересна. Габрелянову (колонками у него заведует какой-то специальный еврей, но я его фамилии не помню) удалось собрать невероятный пул людей, всегда готовых одобрительно высказаться об очередной инициативе власти или наоборот, дать отпор любому, даже самому незаметному жесту любого оппозиционера – от Навального до последнего пользователя фейсбука. Вот не поленитесь сходить по ссылке – не знаю, что это за философ, но впечатления производит. Сенсация с Академией наук, растерянные комментарии академиков на новостных лентах, а в «Известиях» на сайте уже висит обстоятельный текст о том, как обнаглели академики, давно уже из ученых превратившиеся в богатых латифундистов. Готов биться об заклад, что здесь тоже не было вот этого, рисующегося в воображении обычного, все заранее знающего читателя – звонят автору и говорят, мол, старик, давай мочить академиков. Нет, наверняка он сам прибежал со своей колонкой через минуту после выступления Ливанова, не мог не прибежать, потому что в поле притяжения «Известий» собраны именно такие авторы. У одного – вот у этого философа – какая-то большая личная обида на академиков, у другого – такая же большая обида на белоленточное движение, у третьего – на литературную тусовку и так далее. В итоге, и это тоже невероятная для наших пропагандистских органов ситуация, образовался круг авторов, всегда готовых одобрить или раскритиковать что угодно не по «темняку», а по велению сердца. И это тоже уникальный и никем до сих пор толком не понятый феномен Габрелянова, нашего русского «гражданина Кейна», который всегда будет круче всех в какой угодно, хоть путинской, хоть навальновской, хоть в свободной России.

Прощание с «Единой Россией»

Бывают агонии, преисполненные величия. «Единая Россия» погибает жалко – ни пафоса, ни достоинства. Говорят, вот-вот объявят о преобразовании путинского Народного фронта в партию, и «Единая Россия», самораспустившись, войдет в состав этой новой партии. «Единой России» нет, есть, как сказал бы классик, колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности. Трудно представить даже, кто персонально объявит о формальной ликвидации этой партии. Андрей Исаев, Сергей Железняк – кого сейчас вообще можно назвать лицом «Единой России»? Лица нет, лидеров нет, а партии-то на самом деле и не было никогда. Собирались на съезды задорого, сидели в дорогих костюмах и с айпадами – и голосовали за унизительный прочерк вместо первого места в партийном списке. Коллективный Никто, которого чья-то злая воля назвала политической партией (Партия! Как американские республиканцы, или как консерваторы в Англии, или как большевики в России, в конце концов. Вот эти ко всему готовые, кто назвал партией – их?), приходит к своему естественному состоянию. Не быть и не казаться – исчезнуть. Когда-то в «Единую Россию» массово записывали артистов и телеведущих. Помнит ли сейчас Сергей Безруков о своей партийной принадлежности? Помнит ли Волочкова, Якубович, саксофонист Бутман? «Партийные проекты» – было же совсем недавно, «этот мост построен в рамках партийного проекта «Мосты России»», «этот трамвай приобретен в рамках партийного проекта «Трамваи России»». Ничего теперь не написано ни на мостах, ни на трамваях. Как и не было ничего.

Но когда Минюст выпишет ликвидационные бумаги, было бы здорово, чтобы кто-нибудь, как Зюганов двадцать лет назад, озаботился спасением ставшего никому не нужным бренда. Пойти в Минюст и зарегистрировать заново новую партию с тем же названием – говорят, сейчас это просто. Не позволят партию – общественное движение. Не позволят движение – просто инициативную группу, паблик «ВКонтакте». Пригодится; уже сейчас пора ностальгировать по временам, когда не было ни «болотного дела», ни атак на НКО, ни борьбы с гомосексуализмом, и когда такая ностальгия станет массовой, у возрожденной «Единой России» появятся неплохие шансы на новую политическую жизнь (не шучу совершенно, наверняка так и будет); может быть, нонконформисты двадцатых годов двадцать первого века будут носить футболки «Единой России» и распевать ее гимн, написанный Олегом Газмановым, который, кажется, тоже уже вряд ли помнит, что был в его карьере такой эпизод.

Но это все будет потом; сейчас «Единая Россия» разваливается, сама на своем сайте цитирует колумниста «Известий», указывающего, что «невзгода «Единой России», что гегемоном в ней стали лоснящиеся буржуа в костюмах от Brioni», сама прощается с собой, сливает себя. Придумавшие эту партию люди принесли в российскую политику «пацанскую бычку»; никто уже давно не вздрагивает от уголовной присказки «отвечать за слова» – но при этом главной миссией «Единой России» были именно серьезные слова, произносимые понарошку. Левые слова, правые слова, консервативные, либеральные – едва ли даже те, кто голосовал за эту партию, воспринимали всерьез то, что она им говорила.

«Единая Россия» научила нас, что если политик выступает с жестким заявлением, вносит законопроект, вступает с кем-то в спор, то это происходит только потому, что ему так велели в управлении внутренней политики Кремля. Глядя на нового политика, мы каждый раз не столько вглядываемся в его лицо, сколько пытаемся понять, где у него кнопка. Любое определение публичной политики из любого словаря разобьется о личный опыт любого россиянина, прожившего эти двенадцать лет с «Единой Россией» – «Единая Россия» уходит, оставляя после себя выжженное поле, на котором еще долго будет невозможно мирно играть по понятным и общепризнанным правилам с выборами, лозунгами, борьбой идей и прочими

хорошими вещами, на этом поле лежат куски асфальта с прошлогодней Болотной, кроме них никакого оборудования, пригодного для политической деятельности, просто не видно; все испортила «Единая Россия»; то есть Путин, конечно, испортил. Это ведь его партия, и давайте постараемся об этом не забыть.

Закон Паука-Джигурды

Если не злить суд

Сидели с Поповым в учительской, пили, как и полагается, чай. Мы с Прилепиным, Андреем Архангельским и Мариной Степновой уже провели свои открытые уроки и собирались уезжать. У Попова традиция – каждый год, в октябре, приезжает кто-нибудь неместный и проводит урок. И вот мы обсуждали, кто будет в следующем году. Все уже были – тот был, этот был, вон тот тоже был.

– Лимонов только остался, Александр Евгеньевич! – говорит Прилепин, и понятно, что это шутка такая. Лимонов приедет, а в лицее уже ФСБ сидит и ждет. И никаких школьников. Посмеялись, но сошлись на том, что, почему бы и нет, в самом деле – если тот был, этот был, и только Лимонова еще не было. Почему бы и нет.

Это было в октябре, и даже года ждать не пришлось – завтра, в пятницу, по ходатайству следователей из СК Тракторозаводский суд должен отстранить директора челябинского физико-математического лицея № 31 Попова от работы. Открытого урока с Лимоновым это, конечно, не отменяет, напротив – теперь даже легче представить, что в захваченную школу Следственный комитет привезет на открытый урок своего нового друга – да почему бы и нет? Так что урок с Лимоновым, может быть, даже и будет. А больше не будет ничего.

И даже не потому, что уголовное дело и Следственный комитет, Бог с ними. Просто – не бывает так, чтобы до школьного забора была современная Российская Федерация, и после забора тоже современная Российская Федерация, а внутри – что-то другое, хороший физико-математический лицей, например. Так не бывает. Неумолимый закон природы состоит в том, что Следственный комитет в самом широком смысле этого слова должен быть ровным слоем размазан по всей территории Российской Федерации. Никаких исключений.

Разгром челябинского лицея должен стоять через запятую с разрушением Дома Болконского на Воздвиженке и прочими понятными и привычными нам новостями, по поводу которых я давно уже придерживаюсь версии, что нет в этих разгромах, реконструкциях и прочем никакого рационального умысла, и даже никакого материального интереса типа «посадим директора и будем сдавать лицей в аренду». Ничего такого нет, я уверен. Есть – просто желание сделать так, чтобы здесь не было ничего хорошего. Зачем – черт его знает. Может, для того, чтобы не было жалко уезжать со своими миллиардами, когда придет время. Может, просто из вредности. Может, все они там сатанисты какие-нибудь, и условный Люцифер им велит – надо, мол, убрать Попова из лицея. Не знаю. Просто завтра Тракторозаводский суд отстранит Попова от работы.

Учителя хотели выйти к суду с плакатом (цитирую по их письму) «Россияне! Простите нас за самое лучшее образование в стране! В следующем году исправимся!» – но адвокат отговорил, потому что не надо злить суд.

Потому что если не злить российский суд, он, как известно, всегда примет справедливое решение.

Право на мемуары

С месяц назад, оказавшись, после некоторого перерыва, где-то между станциями метро «Театральная» и «Лубянка», я обнаружил, как там все изменилось – полностью пешеходный Кузнецкий мост, пешеходная Рождественка, новая плитка, какие-то кадки с деревьями, столики кафе и радостные веселые улыбающиеся люди, точно такие же, как в любой другой европейской столице. Не узнать, в общем, красавицу-Москву.

И, оставаясь где-то в душе членом Координационного совета оппозиции, я мысленно записал в протокол, что вот эти перемены – может быть, единственное осязаемое и зримое последствие всплеска протестной активности полтора года назад. Раньше бы это никому и в голову не пришло, а после Болотной власть, обнаружившая в Москве какое-то серьезное количество граждан с возросшими потребностями, рассудила, видимо, так – свободных выборов вы, конечно, не получите, но, так уж и быть, вот вам немножечко перемен, понаслаждайтесь пока ими. Назначение знаменитого Капкова министром по делам креативного класса – я уверен, и оно тоже стало следствием Болотной. Если вдруг когда-нибудь люди в Москве снова всерьез выйдут на улицу, и если Кремлю опять удастся их обмануть – в этом случае пешеходным сделают что-нибудь еще, Большую Никитскую какую-нибудь. Это работает.

Что работает еще? Да чего далеко ходить – накануне по телевизору показывали новую передачу Аркадия Мамонтова, теперь про геев, и в этой передаче он даже обозначает их словом «пидарас» – я передачу не смотрел, но почти дословно знаю все ее содержание из многочисленных пересказов в фейсбуке. Тот же самый принцип, что и со статьями Скойбеды, инициативами министра Мединского и прочими, того же порядка вещами. Разумеется, и это – тоже следствие Болотной, новый стиль пропаганды с победившим гопническим дискурсом в стиле ЖЖ середины нулевых. Тогда это было в комментах, теперь это в телевизоре и в самых популярных газетах.

И в этом, конечно, неприятно сознаваться, но воцарение гопничества в гуманитарной сфере произошло ровно по той же причине, по которой Кузнецкий мост стал пешеходным, а хипстер стал лучшим другом московской мэрии. Власть признала и удовлетворила некоторые потребности той части общества, которая заявила о себе в конце 2011 года.

И если с потребностью в «общественных пространствах» и «городской среде» все ясно, то потребность государственных медиа в хамстве, видимо, нуждается в каких-то пояснениях. Да, разумеется, Мамонтов нужен именно для того, чтобы Болотная смотрела его, картинно хватаясь за сердце, делилась бы впечатлениями в социальных сетях, а потом, довольная собой, ложилась бы спать, засыпая с этим сладким чувством – как все-таки ужасно жить в этой стремительно фашизирующейся атмосфере, как ужасно быть гонимым меньшинством, которое шельмуют с телеэкранов, и которое вот-вот будет растоптано безжалостной государственной машиной. Сквозь сон зрителю Мамонтова даже покажется, что хлопнула дверь подъезда – не «черный» ли это «ворон»? – но зритель Мамонтова все равно засыпает, потому что пронзительный статус в фейсбуке уже написан, а завтра рано вставать на работу – может быть, в РИА «Новости», или в «Гоголь-центр», или просто в какой-нибудь безымянный офис, богатеющий на коррупционных государственных подрядах. Все при деле и всем хорошо. Завтра в «Комсомолке» что-нибудь опять напишет Скойбеда, и можно будет опять – вечером, между работой и сном, попереживать по поводу стремительно сгущающихся над страной туч.

Создание класса игрушечных диссидентов – абсолютно плюшевых, абсолютно безобидных, но при этом свято уверенных, что это именно они противостоят жестокому путинскому государству – это, может быть, самый циничный и самый остроумный ход Кремля за

последние полтора года. Пропагандистские телепередачи, колонки в «Известиях» и «Комсомолке», скандальные заявления самых одиозных депутатов – все это, очевидно, направлено только на одно – вот именно на создание уютного мира иллюзий, в котором предлагается жить всем, кто нуждается в переменах. Такой виртуальный лагерь потешных антиглобалистов, наподобие того, какой устраивали когда-то Илья Пономарев с Валентиной Матвиенко. Когда путинские времена пройдут, нас ждет волна очаровательных мемуаров (что-то типа книги «Подстрочник») о том, как тяжело жилось, когда по телевизору показывали Аркадия Мамонтова.

На самом деле, право на такие мемуары пока заслужили очень немногие – сидящие в тюрьмах или ожидающие тюрьмы. Те, о ком Мамонтов, кстати, передач не снимает. Но что-то подсказывает, что они-то как раз никаких мемуаров и не напишут. Почему-то.

Резвилась и жирела

Читаю газету «Социалистическая индустрия» за май 1988 года, художественный очерк о переименовании города Брежнева обратно в Набережные Челны. «Бригада монтажников с помощью тросов и лебедок стащила с пьедестала метровые буквищи, сваренные из вечного, нержавеющего металла. Работяги торопливо погрузили хлам в кузов самосвала, напоследок подымили табаком и уехали, даже не оглянувшись на опустевший пьедестал».

Дальше автор, видимо, за неимением подходящего таксиста (в наше время авторы таких очерков дискутируют обычно с таксистами) разговаривает со своим собственным фотографом, и фотограф, мудрый человек, говорит – «А упало, Б пропало» – «Хитрая и мудрая народная загадка почему-то все не выходила из головы, – делится далее автор очерка. – Есть тут извечный вопрос: что, в самом деле, осталось там, на трубе?»

Спустя двадцать пять лет метафора, очевидно, уже нуждается в пояснении – автор «Социалистической индустрии» намекает, что брежневские буквы уже исчезли, а брежневский дух в бывшем городе Брежневе пока остался и нуждается в выкорчевывании. Вот еще одна красивая цитата: «Из своей поездки я привез несколько фотопленок, запечатлевших спрятанные от посторонних глаз особняки, виллы, дачи, где резвилась и жирела, развратничала и развращала других, делала карьеру, вершила прочие дела так называемая привилегированная прослойка местного масштаба. Когда мы попали туда, поразила воображение не рокфеллеровская роскошь увиденного. Запомнились более всего люди, до недавнего времени услужавшие (так в тексте. – О.К.) кругу избранных. Поразила печать добровольной рабской преданности бывшим хозяевам, запечатленная на иных лицах».

Времена тогда были голодные, но оптимистические, очерк о бывшем городе Брежневе заканчивался, конечно, хэппи-эндом – собственно, это видно и по прошедшему времени глаголов «резвилась», «жирела» и «развратничала». Плохих парней из номенклатуры выгнали, хорошие пришли, перестройка необратима, ура.

Спустя двадцать пять лет я читаю интервью нынешнего мэра моего родного города Калининграда, которое он дал лояльной ему газете. Вот прямая ссылка на этот текст; как-то особенно зубоскалить по его поводу мне совершенно не хочется, интервью взято моим первым в жизни главным редактором, и я меньше всего хочу, чтобы на меня кто-нибудь обижался; в данном случае это было бы, как говорится, кармически плохо.

Но просто оцените саму конструкцию – «в гостях у семьи мэра Калининграда в Каннах», и дальше просто, как само собой, подробный рассказ о том, как семье мэра живется на Лазурном берегу. Как-то по умолчанию подразумевается, что этот сюжет не вызовет никакого политического скандала и никакого возмущения в подведомственном мэру городе. «Да, мы такие, и что?» Карикатурный, анекдотический сюжет, так вообще не бывает – сочетание должности (мэр, начальник города, всякое там ЖКХ, общественный транспорт, отопительный сезон, ямочный ремонт и какие еще бывают ассоциации со словом «мэр») и места (Лазурный берег – малиновый пиджак на теле Европы, «а я иду такая вся в Дольче Габбана»). Скандал, зашквар, провал на любых выборах, конец политической карьеры – но не в нашей реальности, потому что в нашей-то все нормально. «В гостях у семьи мэра Калининграда в Каннах», на этой картинке всё так.

И чего я боюсь – что на этой картинке и в самом деле все так. Если что-то никому не кажется возмутительным, значит, оно возмутительным и не является, просто – вот такая новая норма. Наверное, за тринадцать лет что-то важное сломалось в сознании русского общества, и есть подозрение, что эта поломка необратима. Просто вопрос: что должно произойти, чтобы русские вдруг поняли, что семья мэра в Каннах – это скандал? Есть версия, что ничего произойти уже не может; я склонен придерживаться этой версии.

И, наверное, поэтому я и начал сегодня с очерка о бывшем городе Брежневе в газете «Социалистическая индустрия» двадцатипятилетней давности. Хочется сейчас завернуться в эту «Социалистическую индустрию» и улететь в ней в 1988 год. Тогда было хорошо, а больше хорошо никогда не будет. Ни-ко-гда.

88 процентов

Говорят, нарышкинская Госдума снова приняла скандальный закон, легализующий то ли людоедство, то ли что-то еще в этом роде. Все, конечно, взволнованы – как же так, что же теперь будет, что все это значит?

Правильные ответы: никак, ничего не будет, ничего не значит. Может быть, единственное огорчительное, что есть в новостях из Госдумы – это количество хороших, в общем, людей, готовых всерьез спорить с тем, что они там еще наштамповали.

Послушайте. Эти же или примерно эти же люди еще три года назад говорили нам про модернизацию и про Сколково. Они же или примерно они же говорили о национальных проектах, об удвоении ВВП и Бог знает, о чем еще, о чем и мы, и они много лет как благополучно забыли. Время от времени меняются лица. Вчера был Железняк, сегодня Мизулина, завтра будет эта ставропольская телеведущая с огромными губами, имени которой мы пока не запомнили, но скоро обязательно запомним и станем горячо доказывать друг другу, что она неправа. Как будто люди, которые говорят по написанному кем-то за них, могут быть правы или неправы.

Мы сосуществуем с этими людьми много лет, мы должны были уже выучить, что слова этих людей ничего не значат, и что эти люди говорят ровно то, что велит им администрация президента. Недавно я написал, что легко представляю, как сын депутата Мизулиной станет депутатом и легализует в России гей-браки. Меня поправил кто-то из читателей – мол, не сын, а сама Мизулина и легализует. Да, так точнее – именно сама, ей даже проще, она ведь уже депутат.

То же самое, между прочим, относится и к социологическим опросам. Как раз Мизулина называет цифру – 88 процентов россиян, оказывается, поддерживают очередной архаизаторский закон. И все, конечно, ахают – 88 процентов, как это ужасно, Германия тридцатых, ужасный народ и так далее. Стоит, я полагаю, поискать опросы 2007 или 2009 года и посмотреть, каков был процент одобряющих модернизацию или приоритетные национальные проекты – можно предположить, что на вопросы прошлых лет положительно отвечали буквально те же люди, которые сегодня одобряют антигейский закон, и которые завтра (вот уж в чем невозможно сомневаться) так же единодушно поддержат легализацию гей-браков. Можно даже сказать, что чем выше процент граждан, не глядя поддерживающих любую инициативу властей, тем спокойнее общество примет любую революцию; сильное пассивное большинство – самая надежная гарантия будущих перемен. Именно эти вечно лояльные люди скажут свое веское «да» любому, кто придет на смену Путину. Это 88 процентов надежды. Чем больше в стране людей, которые всегда и по любому поводу говорят «да», тем меньше нужно людей на площади.

Главное, на чем сегодня держится власть со всеми своими людоедскими законами и скандальными инициативами – это как раз та пионерская готовность оппонентов реагировать на каждый пункт галлюциногенной повестки Кремля, готовность становиться массовкой для передачи «Вести недели» и искренне расстраиваться, что им не повезло с народом.

А с народом как раз повезло. 88 процентов – это очень, очень много!

Закон Паука-Джигурды

Прошлой осенью, перед химкинскими выборами, твиттер одной моей знакомой ветеранши прокремлевских молодежных движений превратился вдруг в вестник химкинских дел – ну, бывает так, когда человек вдруг начинает писать о магазине «Утконос», и ты понимаешь, что ему за это платят. И моя знакомая тоже вдруг стала назойливо писать о Химках, в основном о том, как отвратительна оппозиционерка Чирикова, которая тогда выдвигалась в мэры этого города, и как выигрышно смотрится на фоне Чириковой крепкий хозяйственник Шахов, кремлевский кандидат.

Однажды кто-то в том же твиттере спросил меня про эту знакомую – где, мол, она сейчас работает, – и я, не задумываясь, ответил, что известно где – у Шахова на химкинских выборах, и когда она писала мне в ответ, что нет, не работает она у Шахова, я ей, конечно, не верил, и думал, что она меня бессовестно обманывает.

На самом деле ошибся я. В штабе Шахова она не работала. Работала она в штабе Паука, трэш-музыканта Троицкого, которого, в свою очередь, наняли кремлевские технологи, чтобы он, изображая кандидата в мэры Химок, создавал у обывателя ощущение, что все, кто идет тягаться на тех выборах с Шаховым, такие же трэш-деятели, как Паук. И когда я сегодня читаю в новостях, что Паук собирается теперь на выборы мэра Москвы, я думаю о той своей знакомой – вот и еще раз она поработает на выборах, не умрет, стало быть, от голода, хорошо.

Где-то около Паука в российской общественной иерархии стоит артист Джигурда, про которого сегодня тоже пишут в новостях – Джигурда, видите ли, поддержал активиста Максима Каца в борьбе против реконструкции Ленинского проспекта. «Расширять Ленинский проспект – то же самое, что расширять вагину», – говорит Джигурда, и слова Джигурды расползаются по социальным сетям, потому что в социальных сетях любят слово «вагина». Московского пиарщика, придумавшего скрестить Джигурду с Кацем, я тоже знаю лично, и тоже, в общем, рад за него – напишет потом в резюме, что сумел остановить общественную кампанию против реконструкции Ленинского, и его возьмут за это на какую-нибудь серьезную работу.

Но есть при этом маленькая хитрость. Ленинский проспект будет реконструирован не потому, что в кампанию против его реконструкции вмешался Джигурда, а потому, что у департамента, ответственного за реконструкцию, сегодня больше аппаратных возможностей и денег, чем у департамента, который против и которому лоялен Кац. Шахов избрался мэром Химок не потому, что в выборах участвовал Паук, а потому, что Шахову и до выборов подчинялось в Химках буквально все, в том числе и избирательные комиссии. Думаю, единственный бесспорный результат участия Паука в выборах и Джигурды – в дискуссии о Ленинском состоит в том, что, судя по всему, Паук и Джигурда заработали на этом какие-то деньги, ну и мои знакомые, которые в этом участвовали, тоже заработали. Никакого другого результата нет, и быть не может.

Потому что пиар в России – это не тот пиар, о котором написано в переведенных с английского учебниках, и даже не тот, который воспевал когда-то писатель Пелевин. Пиар в России – это сентиментальная формальность, просто так положено, что надо на него тратиться. Мы убьем одного кандидата, подкупим второго, арестуем третьего и еще наймем Джигурду и выиграем выборы – вау, мы крутые пиарщики. Рамзан Кадыров, судя по его инстаграму, тратит на свой пиар какие-то ощутимые деньги – как будто без этого инстаграма и без пресс-туров из Москвы ему бы угрожало поражение на выборах или, не дай Аллах, падение рейтинга.

И когда кто-нибудь сядет писать учебник по пиару для российских специалистов, пусть он, можно даже без ссылки на меня, впишет в этот учебник главный закон русского пиара, который должен звучать примерно так: пиар в России – как правило, дорогостоящее и всегда бессмысленное приложение или к административному ресурсу, или к вбросам на выборах, или к полицейскому террору, или еще к чему-нибудь из этого ряда. Возможность повлиять на что угодно с помощью воздействия на общественное мнение в России не доказана и вряд ли существует.

Обещаю, если такой учебник будет написан, купить его на собственные деньги и взять у автора автограф.

Разбитые витрины

Кусок асфальта влетает в сверкающее стекло, дребезги, грохот, воет сигнализация, нарядный манекен препотешно заваливается кверху ногами. Началось! Наверное, надо позвонить в полицию, но полиция не приедет – посмотрите, полицейский на углу любуется разбитыми витринами, ему это нравится, он доволен.

Кто обычно бьет витрины? Хулиганы всякие. Либо просто гопники, либо хулиганы идеологизированные, анархисты всякие, экстремисты и все такое прочее. Мы к этому так привыкли, что сейчас даже не замечаем – эти витрины разбивает сам Путин. Впрочем, это его витрины, и он, конечно, волен делать с ними что хочет.

Те, кого принято называть системными либералами, были любимой витриной путинского Кремля. За сверкающей стеклянной поверхностью, в полумраке, бутырские врачи добивали Магнитского, академик Кадыров кормил питомцев своего домашнего зоопарка странным мясом, какого не бывает в магазинах, нашист Колючий ласкал свою верную арматуру, генерал Маркин, покусывая карандаш, сочинял очередной издевательский пресс-релиз – но то в полумраке, а на виду все выглядело даже симпатично. Урбанисты и медиааналитики, модернизаторы и теоретики экономики, умеренные политические комментаторы и ироничные пользователи социальных сетей. Сидели за стеклом, наслаждались жизнью, а тут раз – стекло разбивается.

Бегство Сергея Гуриева – своего рода жемчужина среди разбитых витрин. Колумнист «Форбса» пишет о случившемся, что «ни процесс Pussy Riot, ни «болотное дело», ни сиротский закон, ни закон об «иностранных агентах», ни разгром Левада-центра, ни отказ от амнистии предпринимателей не оставляли ощущения конца», и это выглядит довольно издевательски; чтобы считать невозвращение экономиста из отпуска большей трагедией, чем тюрьму для двух десятков ни в чем не виноватых людей, нужно быть, мягко говоря, эстетом, но и такого эстета понять можно – его мир рушится вместе с разбиваемыми витринами.

И пусть рушится, конечно. Пусть сверкающие стекла разбиваются и дальше. Пусть вслед за ветераном «открытого правительства» Гуриевым уедет весь совет по правам человека при президенте, благодаря которому Кремль не первый год поддерживает иллюзию обратной связи с гражданским обществом. Пусть зазвучит веселый шансон на волне «Эха Москвы». Пусть московский департамент культуры отдадут «Уралвагонзаводу», и чтоб в парке Горького обязательно устроили танковый полигон. Пусть фонд «Федерация» станет монопольным благотворителем, чтобы кроме него никаких фондов. Список можно продолжать, главное – пусть Гуриев будет не последней потерей «приличной» части системного истеблишмента.

Если уж сами они добровольно к лету 2013 года не решились послать к черту путинский Кремль – что ж, пускай Кремль шлет их к черту сам. Интонационно разница, конечно, есть, но на выходе то же самое – конец противоестественному альянсу «приличных людей» и путинского Кремля. Кто уйдет последний, тот выключит за собой свет, и когда Путин останется наедине с профессором Бурматовым – посмотрим, каково ему будет.

Плохая новость, правда, состоит в том, что такого не будет, конечно, никогда. Запас «приличных людей» в России неиссякаем, и еще долго, даже когда сто колумнистов отпишутся об очередной точке невозврата, обязательно кто-нибудь будет выходить и говорить, что надо быть реалистами, что малые дела – тоже дела, а у власти есть как плохие, так и хорошие черты. А если вдруг каким-нибудь чудом запас приличных людей закончится – за границей всегда есть настоятели Кентерберийских соборов, готовые в трудную минуту поработать приличными людьми в России.

И когда дефицит системных либералов станет критическим, обязательно найдется какой-нибудь Ларри Кинг – тем более что он уже нашелся.

Мне нравится СК, а не наоборот

Когда на суде по «Кировлесу» обвинение садится в лужу, когда губернатор Белых, даром что свидетель обвинения, доказывает, что Навальный ни в чем не виноват, а директора лесхозов ведут себя в лучшем случае как чеховские злоумышленники – я, конечно, радуюсь, но прекрасно при этом понимаю, что никакой связи между ходом процесса и будущим приговором в действительности нет, и воспринимать неудачи прокуроров как знак неизбежного оправдания, конечно, наивно. Такие приговоры пишутся не в судах, и если вятский лес сам, шелестя кронами, придет в суд и скажет, что Навальный должен быть оправдан – даже в этом случае судья, конечно, не впишет мнение леса в протокол и останется при своем. Спорить о приговоре можно только в том смысле, посадят ли Навального или же все-таки дадут парализующий условный срок, чтобы не митинговал, не выдвигался и вообще ничего не делал, иначе тюрьма.

Тюрьма для Навального – я даже знаю его доброжелателей, которым кажется, что для политического лидера нет ничего плохого в том, чтобы посидеть. Это добавляет популярности, придает политического веса, вон Мандела сидел, и что с ним потом стало. Ну, понятный набор аргументов. Понятный и глупый, конечно, потому что Мандела сидел в Южной Африке, а там вообще все не как у нас. В России сидел Варлам Шаламов, и уж его-то судьбы я Навальному не желаю, не надо ему сидеть, тюрьма – это плохо.

Как бы оптимистически ни выглядел сейчас вятский процесс – кажется, Навальному желают тюрьмы. Желает Путин, желает Бастрыкин, и, может быть даже, желают и какие-нибудь соратники, которым сегодня грустно и скучно в его тени. Паровоз Навального мчится в сторону мордовских (в лучшем случае мордовских) колоний, но ему, повторю, туда не надо, и это тот случай, когда у политического лидера есть моральное право пойти на сделку с тем режимом, которому он противостоит. Маркин, кстати, намекал в «Известиях», что такая сделка возможна.

И давайте я сейчас выступлю посредником между Навальным и начальством Маркина и предложу, очевидно, оптимальную сделку. Давайте так: вы не сажаете, а еще лучше – оправдываете Навального, а он за это идет вам навстречу и делает вам настоящий подарок.

Пускай таким подарком станет роспуск Координационного совета оппозиции. Власть же, судя по ее поведению, много думает о Координационном совете. Власть мочит его в своих пропагандистских органах, власть посадила Гаскарова с формулировкой «избрался в Координационный совет», власть затравила Адагамова – стала бы она вообще о нем думать, если бы не Координационный совет. Наконец, сейчас власть забрала из Координационного совета своего Каца – и, наверное, впереди у власти еще много идей по поводу того, как побороть Координационный совет.

Так давайте отдадим ей его весь в обмен на закрытие кировского дела. Пусть нам скажут по телевизору, что Координационный совет потерпел окончательное поражение и что его больше нет, пусть нашисты выведут в топ твиттера какой-нибудь радостный хэштег, пусть Максим Соколов напишет колонку, в которой проведет параллель между роспуском Координационного совета и какой-нибудь ситуацией из античных комедий, пусть Песков скажет, что, мол, видите какая у нас оппозиция – у нее даже Координационного совета нет, пусть в парке Горького пройдет флэшмоб «Мне нравится СК, а не наоборот». Власть, согласись: такая сделка для тебя была бы крайне выгодна. Тебе ведь так не нравился этот Координационный совет, ты так с ним боролась, что в какой-то момент он стал похож на человека-невидимку, видного только благодаря костюму, тобою же, власть, на него надетому. Черт, чем больше я говорю об этой сделке, тем больше она самому мне нравится.

Бескровный теракт

Возвращение шестидесятников

На календаре 2013 год, и как-то неловко говорить о хипстерах, но я честно постараюсь свести к минимуму употребление этого слова в этом тексте, чтобы никого не пугать, тем более что за годы, прошедшие с момента появления этого слова в общественно-политическом словаре, окружающая среда изменилась, и сегодня правильнее говорить не о «хипстерах», а об аудитории Сергея Капкова; если кто пропустил – с тех пор как из Кремля выгнали Владислава Суркова, его функции оказались поделены сразу между тремя чиновниками. Выборами, партиями и губернаторами, как раньше Сурков, занимается его формальный преемник Вячеслав Володин. С оппозицией борется Александр Бастрыкин и подведомственная ему опричнина с Технического переулка. И, наконец, креативная часть, «культурка», досталась московскому начальнику по культуре, бывшему ассистенту Романа Абрамовича Сергею Капкову.

Раньше за это за все отвечал Сурков – были всякие проекты Гельмана, был фестиваль «Территория» в Перми и «Сотворение мира» в Казани, был фонд «Эгида», было много чего еще, а теперь вместо этого есть парк Горького, «Гоголь-центр» и пешеходная зона вдоль Крымской набережной. Плюс-минус те же люди, плюс-минус те же вещи, плюс-минус то же самое. Когда-то Сурков уговорил саксофониста Бутмана вступить в «Единую Россию», теперь Бутман вроде как беспартийный и играет теперь у Капкова. Вы хотели перемен – вот вам перемены.

И я даже не шучу, перемены действительно случились. Когда вместо Капкова был Сурков, была все-таки какая-то граница между тем, что настоящее, и тем, что «проект Кремля»; фестиваль «Территория» и единороссовский «Культурный альянс», как бы они ни переодевались в независимые одежды, все равно были чужими клубу «Солянка» и журналу «Афиша». Вот просто представьте – 2010 год, и на условном «Нон-фикшне» вы встречаете человека в оранжевых джинсах и очках без оправы. «Ты кто?» – «А я в «Единой России» культурой занимаюсь». Стало бы это началом прекрасной дружбы? Едва ли.

А сейчас границы нет. Прошлой весной на Чистопрудном бульваре был, помните, «Оккупай Абай» – какие-то люди собирались, разговаривали, выступали, ставили спектакли, читали лекции, время от времени их гоняла полиция. Прошло полгода, и на другом конце Бульварного кольца те же люди теми же словами – выступали, читали лекции, устраивали дискуссии, а полиция стояла у входов на бульвар и вежливо приветствовала всех участников мероприятия, которое теперь называлось не «Оккупай Абай», а «Бульвар читателей» – официальное мероприятие в рамках Дня города. Я сам там выступал и, кстати, там же познакомился с Сергеем Капковым – он ходил по бульвару хозяином и радовался, как все здорово получилось.

Ссылаться на обсуждения в социальных сетях – это еще более дурной тон, чем использовать в тексте слово «хипстер», но я не удержусь. На днях как раз одна знакомая в твиттере восторженно высказалась в том духе, что современные хипстеры есть прямые наследники советских шестидесятников. Я ответил ей, что она права, только ничего хорошего в этом нет. «Вы считаете, что хипстеры, в отличие от шестидесятников, конформисты?» – спросила она. Нет, разумеется, нет никакого «в отличие» – аудитория Капкова и аудитория Хрущева устроены примерно одинаково, и сказать, что кто-то из них меньший конформист, просто нельзя; обидно будет, если через пятьдесят лет о нашем времени будут вспоминать так же, как у нас принято о шестидесятниках – мол, был бунтарь Кирилл Серебренников и его бун-

тарский спектакль «Отморозки», нонконформист Бутман дудел в свой нонконформистский саксофон, а прораб духа Михаил Куснирович сажал свою прорабскую черешню в специально отведенных историей местах. Было бы действительно обидно, если бы информация о нашем времени дошла до потомков в таком виде, поэтому просто давайте где-нибудь запишем, вот я в этом тексте запишу – да, разумеется, аудитория Капкова – это такая же отвратительная комса, как и аудитория Хрущева пятьдесят лет назад. Люди, которые слушали своего Окуджаву в Политехническом (сейчас там Вера Полозкова обычно выступает), пока армия разгоняла демонстрацию в Новочеркасске, читали бунтаря Евтушенко («Наследники Сталина» – первая полоса «Правды», «Бабий Яр» – первая полоса «Литературной газеты»), пока армия разгоняла сталинистские демонстрации в Тбилиси и Грозном, ждали «возвращения к ленинским нормам» (это «модернизация», если в переводе на современный язык) – в общем, бунтовали так, как и не снилось современным хипстерам.

То есть не хипстерам, конечно, а аудитории Сергея Капкова, простите.

Поговори со мной о Скойбеде

Ульяна Скойбеда – странного вида женщина, брюнетка возрастом под сорок, но рассказывать об этом излишне, потому что Ульяну Скойбеду и без меня знают все блогеры и хипстеры. Все знают, что Ульяна Скойбеда – сорокинский персонаж, все знают, о чем она пишет сегодня и о чем писала вчера. Ульяна Скойбеда против Дины Рубиной. Ульяна Скойбеда против Владимира Познера. Ульяна Скойбеда против негров в русском футболе. Ульяна Скойбеда против Леонида Гозмана – это самое свежее и, видимо, самое знаменитое, потому что Ульяна Скойбеда не просто против Гозмана – она сожалеет, что нацисты не успели наделать абажуров из кожи предков российских либералов, «проблем было бы меньше».

И все, конечно, против Скойбеды. Борис Акунин считает, что «Комсомольская правда», в которой Скойбеда печатает свои человеконенавистнические речи, должна быть закрыта. Наталия Геворкян объявляет бойкот «Комсомольской правде» (видимо, до сих пор Наталия Геворкян начинала каждое утро со свежей «КП» и не исключала для себя возможности стать ее автором). Даже депутата Железняка возмущает написанное Скойбедой, хотя казалось бы. Скойбеда, Скойбеда, Скойбеда.

Мы с главным редактором «Комсомольской правды» Сунгоркиным друг друга не любим, но это не мешает мне признавать, что он – один из двух (второй – Габрелянов) самых выдающихся газетных менеджеров современной России. Почему-то принято считать, что «Комсомолка» времен ЦК ВЛКСМ – это было ого-го, и та газета, которая сегодня выходит под старым советским именем, позорит славные традиции. На самом деле это, конечно, не так; нет, и не может быть никаких славных традиций у комсомольского органа, в котором когда-то обозреватель Лосото и обозреватель Руденко учили наших с вами родителей коммунистической морали, доказывая, что джинсы – это плохо, а жить в бараке на БАМе – счастье. Это была газета, в которой печатали «Рагу из синей птицы» – вот какие у нее славные традиции. Если в чем-то и стоит упрекнуть Сунгоркина как основателя нынешней, совсем другой газеты, эдакого бумажного «Первого канала» – так это в том, что он, сам комсомольский ветеран, побоялся, не решился отказаться от позорного советского имени, продолжил им зачем-то пользоваться.

Но, наверное, и в этом смысле Сунгоркину виднее – он же, прежде всего, бизнесмен, и уверены ли вы, что свою Скойбеду он как-то рассматривает вне этого бизнеса? У Скойбеды – важная и экономически целесообразная миссия: благодаря Скойбеде «Комсомольскую правду» читают те, кто без Скойбеды никогда бы ее не взял в руки и не зашел бы на сайт. Ссылка на колонку про абажур из Гозмана расползлась по социальным сетям в минуты. «Ты видел?» – «Ты читал?» – «Вот сука»! – «Вот мразь!» – клик-клик-клик, счетчики «Медиалогии» беснуются, рекламные продажи растут.

Обычному читателю «Комсомольской правды», который покупает или выписывает бумажную газету ради садово-огородного календаря и анекдотов, нет до Скойбеды никакого дела. Выражения «гей-оргиевская ленточка» он просто не поймет, и даже эпическое расследование про расчленителя Кабанова прочитает просто как газетный ужастик, недоумевая, почему в этом ужастике нашлось место размышлениям о креативном классе и соли земли. Целевая аудитория Скойбеды – это именно вы, милые пользователи фейсбука, Скойбеда пишет для вас и только для вас.

Ну и для меня тоже, конечно. Даже пытаясь объяснить Скойбеду с позиций вульгарного социологизма, я понимаю, что этого объяснения недостаточно, и есть кое-что еще. Дело в том, что Скойбеда, конечно, оказалась возможна именно и только сейчас, в позднепутинские времена. Первично все-таки время, а не Скойбеда.

Я ведь, кстати, помню ее тринадцать лет назад, не лично, а как читатель – обычная журналистка, писала о подводниках «Курска», и если нам в Калининграде удавалось написать что-нибудь сенсационное со слов калининградских родственников погибших подводников, мы радовались – Скойбеду обошли. Редакция «Комсомольской правды» тогда уже очень заметно выращивала из Скойбеды золотое перо, первополосного автора. Просто по меркам 2000 года быть золотым пером значило – писать про «Курск», а сейчас – про абажур из Гозмана. Как раньше на проходных заводов писали – «Требуется»; вчера требовался токарь, а сегодня дворник. На проходной путинской пропаганды сегодня написано, что требуется образцово-показательный упырь.

Не знаю, кто это придумал – Сурков или кто-то еще. Власть уже который год выпускает вперед себя какое-то хулиганье. Ты против Путина? Ну, вот тебе Скойбеда, поспорь со Скойбедой. Или с Потупчик, или с депутатом Железняком, или с певицей Ваенгой, или с Маркиным. Как в сказке про Балду – подожди-ка моего меньшого брата. Бороться со Скойбедой – вы просто послушайте, как это звучит. Пародия. Потому что не со Скойбедой надо бороться. Скойбеды не существует.

Третья версия

Скорее всего, это касается только России, но касается основательно: у нас любое историческое (да, наверное, не только историческое, вообще любое) событие можно разделить на три составляющие, три версии.

Первая – это как все было на самом деле.

Вторая – это как все показали по телевизору и напечатали в газете, или через сколько-то лет описали в учебнике истории.

Но самая интересная часть – третья. Это прижившееся неофициальное объяснение, неофициальная версия, одинаково не имеющая отношения ни к тому, что показали по телевизору, ни к тому, что было на самом деле. То, о чем говорят за столом в своей семье или в компании. На стадии зарождения – со ссылкой на информированного знакомого, потом – уже без ссылок, как само собой разумеющееся.

Ну, например – взрывы домов в Москве в 1999-м году. Что показывали по телевизору – понятно. Мировой терроризм, ваххабиты и все такое прочее. Как было на самом деле – мы не знаем. Зато знаем третью составляющую, ту самую неофициальную версию, воспетую книгой «Господин Гексоген», фильмом «Недоверие» и передачей «Независимое расследование» на «старом» НТВ. Никто не знает, что там было на самом деле, но все или почти все в курсе «третьей версии» и имеют ее в виду даже в том случае, если гневно отвергают без обсуждения. Даже если никто никогда не докажет, что к взрывам домов был причастен тогдашний Кремль или спецслужбы, все равно в любом исследовании на эту тему будет написано, что вот, была такая версия, ходили слухи.

Или более академический пример – нападение СССР на Финляндию в 1939-м году, про которое сегодня мы вряд ли чего-то не знаем и составляющую «на самом деле» описать более-менее можем: был советско-германский пакт, делили Европу, устроили провокацию на границе, сформировали куусиненовское правительство, и, будь финны чуть менее стойкими, была бы к трем прибалтийским республикам еще одна, «народ так решил». Вторая, то есть медийная, составляющая в этом случае примерно совпадает с «на самом деле» – ну да, напали, ну да, хотели аннексировать, да не вышло. И третья составляющая – кухонная, застольная: конечно, напали, но как же было иначе, граница же рядом с Ленинградом проходила, а в такое суровое время это было недопустимо, вот и пришлось передвинуть границу таким грубым способом. Эту версию, кстати, недавно на встрече с историками сам Путин пересказывал (зачем для корректировки границы понадобилось создавать рабоче-крестьянское правительство Финляндии, не уточнил).

«Третья версия» – это не конспирология (конспирология маргинальна), это почти мейнстрим. В 1916-17-х годах «третья версия» об отношениях императрицы с германским генштабом была чуть ли не самым мощным внутриполитическим фактором, хоть о нем и не писали в газетах, да и не была Александра Федоровна шпионкой. В наше время «третью версию», если дело не касается интересов нынешнего Кремля, даже показывают по телевизору наравне со второй. Вот про 11 сентября много неясного, и даже про войну нашу Великую отечественную, и про 1993 год, и про 1991-й. В учебниках пишут, что ГКЧП пытался свергнуть Горбачева, сам Горбачев много раз хвастался, как обозвал путчистов мудаками, когда они пришли, чтобы запереть его на даче. Но в любом разговоре на тему тех событий обязательно кто-нибудь скажет, что, конечно, на самом-то деле Горбачев был в курсе планов заговорщиков и сам ими руководил – это уже не маргинальная конспирологическая версия, а устоявшееся неофициальное объяснение всех нестыковок, которые до сих пор, спустя более чем двадцать лет, остаются нестыковками.

«Третья версия» есть и у событий на Болотной площади (загадочная история Константина Лебедева останется загадочной, видимо, навсегда), и у дела Навального (даже Маркин не спорит с тем, что преследование по делу «Кировлеса» началось потому, что Навальный занялся политикой, а это же чистая «третья версия» – официально дело сугубо экономическое, а что там все на самом деле, точно никто не знает), и у сочинской Олимпиады, и у личной жизни Путина, и вообще у всего, что только происходит вокруг нас. «Третья версия» может дестабилизировать, может стабилизировать – в любом случае она, именно она управляет общественным мнением, а то и самой ситуацией. И русским Геббельсом, гением пропаганды, станет не тот, кто изобретет самую убедительную листовку, а тот, кто научится управлять «третьими версиями», потому что информационный мейнстрим в России – это не то, что говорит программа «Время», а то, на чем сходятся мужики за гаражами, или что приносит с утра в класс школьный всезнайка, подслушавший накануне дома разговор родителей.

Неуловимый Помазун

В принципе, о Сергее Помазуне можно было бы написать такой напрашивающийся спекулятивный текст – о том, что этот человек, если отталкиваться от того, что мы о нем знаем, являет собой даже не типичного, а почти идеального россиянина. Сидел – значит, вынес из тюремного опыта понятную систему ценностей, ту, которую нам ставят в пример колумнисты портала «Православие и мир», то есть отвечает за слова и все такое прочее. Слушает наверняка радио «Шансон», любит оружие и хорошие автомобили, и в его «бэхе» наверняка на торпеде икона, а на антенне – георгиевская ленточка. Пишут, что он не пьет и не курит – значит, ЗОЖ для него не пустые три буквы, и знаменитому Мише Маваши было бы о чем с ним поговорить. В этом воображаемом спекулятивном тексте можно было бы нафантазировать, как в дни важных спортивных соревнований Сергей Помазун высовывал из «бэхиного» окна российский флаг, гудел, кричал – «Вперед, Россия!»; понятно, что это не более чем фантазия, но ведь высовывал же и кричал, скорее всего. А за кого он голосовал на выборах? А какие передачи по телевизору смотрел? Ошибиться трудно, и если меня читает какой-нибудь начинающий автор какого-нибудь демократического СМИ, я с удовольствием дарю ему этот сюжет и даже заголовок – «Социально близкий», известное и прославленное Солженицыным словосочетание, каким в гулаговские времена было принято называть уголовников в сравнении с политическими.

Сам я такого текста написать, однако, не решусь; именно потому, что он на мой вкус слишком спекулятивен. Таких текстов, только с обратным знаком, было много в январе после поимки повара Кабанова, который расчленил жену – Кабанов был известный «креакл», ходил на белоленточные митинги, и о нем многие писали как раз что-то похожее – мол, мы-то народ, соль земли, а вы кто, расчленители? Такого рода спекуляции кажутся мне неприличными, поэтому о социально близком Помазуне я ничего писать не стану.

Но все-таки обратите внимание. В нескольких часах езды от Москвы бегает до сих пор не пойманный вооруженный безумный подонок, накануне просто так убивший несколько мирных, ни в чем не виноватых граждан. Даже по меркам неспокойной России это – экстраординарное чрезвычайное происшествие. По всем возможным меркам и логикам у общества, хоть и временно, появился бесспорный враг номер один, персона, представляющая угрозу огромному количеству людей и, в какой-то мере, всей стране. Эту угрозу не сможет оспаривать никто, каких бы политических взглядов и жизненных ценностей он бы ни придерживался.

Но вот как-то нет настроения угрозы или чрезвычайной ситуации в речах и новостях. Даже чтобы удостовериться, что Помазуна зовут Сергей (в моем детстве у меня в родном городе был знаменит местный футбольный вратарь Александр Помазун, и сейчас, когда я это пишу, все время порываюсь по привычке обозвать белгородского Помазуна Александром), мне пришлось потратить время, осматривая основные новостные сайты – в главных новостях у них Кудрин, Евкуров и прочие достойные люди, а Помазун где-то сбоку, хрен найдешь. В соцсетях вяло спорят о гражданском оружии. Ну, вот как бы и все.

И об этом можно было бы написать еще один спекулятивный текст – о том, что если бы Помазун спел в храме или подрался бы с омоновцем на Болотной, тогда бы о нем говорил и Маркин, и Песков, и программа «Время», и деятели искусства. Стандарт современного российского «паблик энеми» выработан – он украл лес, он встречался с грузинами, он иностранный агент, его обличали бы официальные лица, защищали бы оппозиционеры в блогах и игнорировали бы простые граждане, за исключением, может быть, таксистов, которым всегда до всего есть дело. Но Помазун всего лишь вооруженный безумный убийца, как в Голливуде. И поэтому про него вообще никому не интересно, у нас другие привычки.

И я мог бы написать о нем примерно такой спекулятивный текст, но, кажется, я его уже написал.

Кого еще порубит Ургант

Иван Ургант порубил зелень как красный комиссар жителей украинской деревни. Черт его дернул за язык обозначить географическую принадлежность деревни – украинский МИД делает заявление, украинские политики тоже что-то говорят, да и не только политики – я читал интервью украинской певицы Ани Лорак, у которой тоже есть какая-то позиция по поводу украинофобской шутки Урганта.

Не сказал бы Ургант, что деревня украинская, ничего бы этого, конечно, не было, но дело совсем не в том, что русские, в отличие от украинцев, чужды этого странного поклонения нерелигиозным святыням. Нет, просто у нас немного другая иерархия святынь. Деревня никого бы не смутила, а попробовал бы Ургант сказать что-нибудь о Великой отечественной войне или о ветеранах, и вот тогда бы мы узнали, что такое – настоящее общественное порицание, и кто бы поручился за то, чтобы Урганта не уволили бы с Первого канала за такие шуточки.

Герман Садулаев заметил когда-то, что практически всем «древним чеченским традициям», культивируемым сегодня властями Чечни, на самом деле не больше пяти лет. Все, что рекламируется сегодня как возвращение к истокам, на самом деле придумано нашими современниками для решения вполне утилитарных текущих политических задач. Принцип Садулаева вообще-то легко применить и ко всей России, не только к Чечне. То, что считается сегодня духовными скрепами, исторической памятью, национальными святынями, в действительности имеет все необходимые черты политтехнологического новодела. И главный новодел – это, конечно, культ 9-го мая и Великой Отечественной войны.

Это совсем не тот культ, который возник при Брежневе. Фильм «Белорусский вокзал» или, скажем, песня «Мой милый, если б не было войны», а тем более книги Василя Быкова или Виктора Астафьева были бы восприняты сегодня российским обществом как непозволительная вольность в трактовке истории. Российской традиции отмечания победных годовщин сейчас не больше десяти лет. Датой рождения нового культа стоит, очевидно, считать 2005-й год, когда накануне 60-летия Победы журналисты РИА «Новости» придумали георгиевскую ленточку как материальный знак новой-старой духовной скрепы. К ленточке быстро добавилось все остальное – эстрадные звезды в старой военной форме, исполняющие фронтовые песни, надписи «Спасибо деду за победу» на автомобилях, возрождение ветеранских организаций, слово которых в какой-то момент приравнялось к закону (вспомним потешный по нашим временам скандал с «Антисоветской» шашлычной), и, наконец, абсолютная, какой никогда у нас не было, нетерпимость к любым непочтительным высказываниям о Победе и о том, что ей предшествовало.

Это именно новый, совсем не советский культ, корни которого не в середине сороковых, а в середине нулевых. Поиски исторических доказательств своей легитимности – любимое занятие любой власти во все времена, даже большевики в это играли, а теперь играет нынешний Кремль. Быть наследниками дедушки Ельцина скучно и неинтересно, быть наследниками великой Победы гораздо круче, и это настолько очевидно, что даже говорить об этом неловко.

Но, жестко привязывая себя к истории и «духовным скрепам», власть, которая в любом случае не будет вечной, программирует уже будущие отношения общества с историей. Простившись с Путиным (а это рано или поздно все равно произойдет), Россия будет вынуждена проститься и с георгиевской ленточкой, и со «спасибо деду», и с военными песнями, и со старыми гимнастерками. Играя в историческую легитимность, нынешний Кремль гарантирует нам будущую ревизию всех святынь и святынек, кажущихся бесспорными сегодня. И вообще-то уже сейчас можно готовиться к тому, что через сколько-нибудь лет, достаточно

скоро, нарезая очередной пучок зелени, Ургант пошутит уже про фашистов и Сталинград, и будет абсолютно в своем праве.

Плохое настроение

Пытаюсь представить себе сцену секса Навального с Акуниным; получается не очень, но все равно не перестаю об этом думать. Вот Навальный, вот Акунин – если бы Монро согласился, была бы такая картинка. Блогеры писали бы: «Хочу это развидеть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.